

Виктор Гюго

Перевод Владимира Григорьевича Бенедиктова

Не обвиняй её

Нет! Падшей женщины не порицай открыто!
Кто ведает весь груз её земного быта?
Кто ведает число её голодных дней?
Печальных опытов кто не бывал свидетель,
Как вихрь несчастья колеблет добродетель
И как несчастная вотще стремится к ней?
На ветке дерева так капля дождевая
Блестит, на ней держась и небо отражая,
Но ветку покачнут - и капля сорвалась,
И - до паденья - перл, она с паденьем - грязь.

Виновен ты, богач, виновны мы и злато.
Та капля чистая, небесная когда-то,
В грязи сохранена, - и, чтоб явилась вновь,
От праха отделясь, приняв свой вид хрустальный,
Она, блестящая, в красе первоначальной -
Тут нужен солнца луч, там надобна - любовь.

1840

* * *

Порой, когда всё спит, восторженный вполне
Под звездным куполом сажусь я в тишине,
К полету времени бесчувствен - жду и внемлю,
Не снидут ли с небес глаголы их на землю,
И, трепетный, смотрю на праздник торжества,
Ниспосланного в ночь земле от Божества,
И мнится: те огни, что в безднах пламенеют,
Мою лишь только грудь, моё лишь сердце греют,
Что мне лишь суждено читать на небесах,
Что я - земная тень, ничтожный призрак, прах -
Днесь царь таинственный на пышном троне ночи,
Что небо блеском звезд мои лишь тешит очи.

1840

Два зрелища

Как в дремлющем пруде под сению древесной,
У смертного в душе два зрелища совместны -
В ней видимы: небес блистательный покров
С его светилами и дымкой облаков -
И тинистое дно, где зелья коренятся
И гады черные во мраке шевелятся.

1843

К Фанни П.

Оградясь невинностью святою,
Пой, играй и веселись, малютка!
Будь цветком! Будь утренней зарею!
Жизнь твоя покуда - смех и шутка.

О судьбе не погружайся в думу!
Даль темна. Среди земных явлений
Наша жизнь - увы - немножко шуму
В грустном мире, где так много тени.

Зла судьба: мы это видим ясно, -
Наша скорбь ей ничего не значит. -
Ты мила; но то, что так прекрасно,
Пуще страждет, наигорше плачет.

Ты сверкаешь детскими очами,
А в грядущем - горе и утраты.
Глазки, так богатые лучами,
И слезами наконец богаты.

Но пока закрыто всё, что худо, -
Смейся! Смех есть лучший дар незнанья.
Веселись, дитя мое, покуда
Над тобой покров очарованья!

Розан мой! Еще ты вихрем светским
Не измят, не испытал ненастья,
Озарен ты тихим счастьем детским -
Отраженьем маменькина счастья,

Дар небес - поэзия святая
При тебе, как ключ неистошимый;
При тебе живет она, блистая
Из очей ее - твоей родимой.

На земле ты - ангел настоящий,
Херувим! Меня в восторг приводит
Ясность та, что в твой зрачок блестящий
Из души невинной переходит.

Пользуйся блаженною минутой!
Наслаждайся! Радость мимолетна,
Все мы прежде мук сей жизни лютой
Сладость детства пили беззаботно,

О, прими моё благословенье!
При разлуке так идет молитва!
Предо мною - гроб, успокоенье,
Пред тобою - жизненная битва.

Бог с тобой, невинное создание!
Жребий твой сказался от пелёнок:
Ангел ты, ведомый на страданье,
В женщины назначенный ребёнок!

1856

Что слава?

Что слава? - Нелепые крики.
Свет жалок, куда ни взгляни -
В нем многие тем и велики,
Что малы, ничтожны они.

Я знаю, что свет рукоплещет
Героям - когтистым орлам,
Железу, которое блещет,
И многим несветлым делам.

Да! Счастье земли - колесница,
Помпеи в триумфальной красе
В одном из колес ее зрится,
А Кесарь - в другом колесе.

Всё то ж - в Тразимене, Фарсале.
Любуйтесь сквозь пламя и дым
Всем тем, что Нероны взорвали
Палящим дыханьем своим!

Молитесь! Склоняйте колена!
Мне ж крошкой глядит великан.
Всё вздор! Потому что он - пена,
Уж будто б он стал океан?

Да, - веруйте в прах величавый,
В громады пустых пирамид,
Во всё, что прикинулось славой,
Во всё, что так бурно шумит!

Коснея в понятиях диких,
Молюсь я, поверженный ниц,
Не богу героев великих,
А Господу маленьких птиц, -

Не богу воинственных станов,
Орудий, мечей и штыков,
Не богу тех злых ураганов,
Что двигают массы полков, -

Не идолу тех, что тревогу
Подъемлют, купаясь в крови,
Но мирному, доброму Богу -
Источнику вечной любви, -

Тому, что в поэме вселенной
Зажег, в мирозданья строфах,
Стих первый - любовью в сердце,
Последний - звездой в небесах;

Что пищу дает своим птичкам,
Дарует и мох, и тепло
Их гнездышку с белым яичком,
Чтоб певчее племя росло;

Что, грея соломкою сельской
Семейство Орфеев лесных,
Шлет в лиственной почке апрельской
Мир новый, волшебный для них;

Когда ж это всё оперится,
Излучисто врозь полетит -
Вкруг каждого гнездышка, мнится,
Святое сиянье горит.

Историю мы без препоны
Творим себе - всем напоказ, -
Великие есть Пантеоны,
Огромные храмы у нас.

У нас есть мечи роковые,
И мало ль различных чудес?
У нас - Вавилон, Ниневия,
Гробницы до самых небес.

А что бы осталось? - лишь слёзы, -
Когда бы Зиждитель миров
Отнять захотел у нас розы,
Когда бы он отнял любовь!

1856

Выходец из могилы

О, стоны матерей! Вам Царь Всевышний внемлет.
Птенцов почивших Он от вас к Себе приемлет,
И птичку милую, Им взятую туда,
Низводит к вам с небес на землю иногда.
У неба много тайн. У Бога много силы.
Есть к колыбели путь обратный из могилы.

Одна из матерей жила в Блуа. Знаком
Мне был её большой соседний с нашим дом.
В довольстве родилась, росла, потом вступила
В союз желанный с тем, кого она любила.
У них родился сын. Какая радость! Сын!
И что за колыбель! Шелк! Бархат! Балдахин!

Младенца кормит мать своею грудью нежной,
Всю ночь она полна заботою мятежной,
Не спит, её глаза горят во тьме ночной, -
К ребенку наклонясь с подушки головой,
Чуть дышит, бедная, чтоб слышать, как он дышит;
Малейший стон его, малейший шорох слышит,
И утром вновь бодрa, довольна, весела!..

Вот в кресла кинулась и гордо прилегла
Горячей головой на их косую спинку,
Грудь, полняясь молоком, раздвинула косынку,
Улыбка на устах, и вот - её дитя!
«Моё сокровище! Мой ангел! Жизнь моя!» -
Бывало, говорит, и целовать у крошки
Начнет те маленькие розовые ножки -
И как целует их! Младенец-херувим
Смеется, голенький, и корчится упрямо,
Визжит и тянется к источникам родным,
И, бережно прижат к местам заповедным,
Притихнул.

Дни бегут. Уж он лепечет «мама».
Растет. Младенца рост так шаток - Боже мой!
Он ходит, говорит: он в возраст уж такой
Приходит, где язык - впоследствии привычка -
Едва лишь оперен, бьет крылышком, как птичка,
И пробует лететь, и кое-как летит.
«Вот он! Каков сынок! - родная говорит. -
Ведь он уж учится, он азбуку уж знает, -
Такой понятливый! Всё на лету хватает.
Он - страшный умница и плут большой руки, -
Вообразите, - он уж хочет по-мужски
Одетым быть! О да, вот он о чем хлопочет!
Он и по платьицу быть девочкой не хочет.
Я Библию ему читаю - он за мной
Всё - слово за словом - мне вторит. Ангел мой!»
И мать восхищена, и детскою головкой
Не налюбуется. Обновка за обновкой!
Что день, то радости. Мечтаньями полна
О будущем, она им детски предается.
Какое торжество! Как чувствует она,
Что сердце матери в ее ребенке бьется!
Но дни идут, идут, и вдруг - крутой уступ.
Однажды злейший бич, исчадьe ада - круп
Нежданный налетел и, в дом открыв лазейку,
Напал на мальчика, схватил его за шейку
И стал его душить... Тот силитсядохнуть -
Не может: воздуху загородила путь
Болезнь проклятая, того и жди - разрушит!
Бедняжку, кажется, и самый воздух душит,
Гортань его хрипит. Во впавших глазках тень
Всё глубже, всё темней, - померкнул ясный день,

Как плод, как ягодка под клевом птицы жадной,
Ребенок вдруг завял. Как вор, как тать нещадный,
Его схватила смерть. Отчаянье кругом!
Гроб, траур, мать, отец, биенье в стену лбом -
И вопль - ужасный вопль!.. Где мать о сыне плачет,
Там онемей язык! Что слово наше значит?
Всё кончено. Нет слов!

И вот, погружена
В свое отчаянье, недвижимая, она
Три месяца сидит. Хоть бы малейший трепет
Был жизни признаком! В устах - несвязный лепет,
Она не ест, не пьет, глаза устремлены
Тупые, мутные - в один кирпич стены.
Тут муж при ней в слезах. Она почти не дышит,
Тень смерти на лице. Зовут ее - не слышит.
Порой лишь в ужасе страданья своего
Шептала скорбная: «Отдайте мне его!»
Врач мужу намекнул тайком, что было б кстати,
Когда б родился брат покойному дитяти,
Что это бы спасло страдалицу; и вот
Проходит день за днем, проходит месяц, год...
Потом несчастная вдруг чувствует в недуге
Под сердцем у себя движенье - и в испуге
Затрепетала вся, бледнеет: «Боже мой!
Нет, нет, я не хочу, чтоб был не тот - другой;
Тот стал бы ревновать, сказал бы: «А! ты любишь
Другого - не меня, его теперь голубишь;
Меня забыла ты, достала мне взамен
Любимца нового, он у твоих колен
Обласкан и согрет, он стал твоя отрада,
А я лежу зарыт в подземной этой мгле.
Мне душно здесь, в гробу, мне холодно в земле». -
Так мать рыдала. - Нет! Я не хочу. Не надо!»
Но день судьбы настал, настал и час родин -
И радостный отец опять воскликнул: сын!
Но он один был рад: несчастная больная
Лежала, прошлое в бреду припоминая;
Новорожденного к ней принесли, - она
Взяла его на грудь, как мрамор холодна,
Почти бесчувственна; она о том ребенке
Всё думой занята, у бедной не пеленки,
А саван на уме, ей тот погибший сын
Всё представляется: бедняжка - там - один!..
Но в это время вдруг - о, чудо! Миг блаженный!
Ей голосом того её новорожденный
Так сладко произнес, как ангелы поют:
«Послушай! Это - я. Не сказывай! Я тут».

Теперь
(После смерти дочери)

Теперь, когда Париж, и эти мостовые,
И эти мраморы и бронзы - далеко,
Когда мне тень дают деревья вековые
И мне лазурь небес оглядывать легко, -

Теперь, когда от злой душевной непогоды
Успел я отдохнуть,
И после бури той святая тишь природы
В мою ложится грудь, -

Теперь, когда могу, близ вод кругом разлитых,
Я мыслью вознестись и видеть с высоты
Глубоких истин ряд, в душе моей сокрытых,
И видеть под травой сокрытые цветы, -

Теперь, Создатель мой, с сей затишью святою
Пришла мне черед
Сознать, что дочь моя под этою плитою
Уснула навсегда.

И вновь, глубокого исполнен умиленья,
На горы, на леса и воды я гляжу,
И, видя, как я мал в безмерности творенья,
Вновь чувствую себя и в разум прихожу.

Вновь на тебя, Творец, смотрю я правоверцем,
И вновь согрет мольбой,
Иду к Тебе с моим окровавленным сердцем,
Растерзанным Тобой.

И вновь душа моя к Тебе, мой Бог, взывает:
Ты свят, Ты терпелив и в благодати велик!
Ты знаешь, что творишь, а смертный - что он знает?
Он - ветра прихотью колеблемый тростник!

Гроб закрывается, но щель есть в этой крыше -
То дверь к Тебе, Творец!
И то, что здесь внизу концом считают, - выше
Начало, не конец.

Коленопреклонен, я сознаю, о Боже,
Что Ты единый - сущ. Чтоб весь я изболел -
Так было надобно. Кто спросит: для чего же?
Так было надобно, - Ты этого хотел.

Пред волею Твоей стою, смиренья полный.
Челн жизни мы тянуть
Должны из скорби в скорбь, из волн в другие волны -
И в вечность завернуть.

Всё видимое нам проходит часом, мигом.
На вещи смотрим мы с одной лишь стороны,
С другой - всё мрак для нас. Мы клонимся под игом,
Таинственных причин не зная глубины.

Уединённая, туманная окрестность
Везде объемлет нас.
Всевышний так хотел, - нам в мире ни известность,
Ни радость не далась.

Лишь благо низойдет - оно и улетело.
Наш мир - в руках судьбы, и бедный смертный в нём
Не видит уголка, где б мог сказать он смело:
«Вот здесь участок мой, моя любовь, мой дом!»

Глядь! Время старости угрюмой подступило,
А нечем дух отвести, -
И это всё, как есть, так надобно, чтоб было,
Затем что это есть.

Творец! Наш темен мир, а небо многозвёздно,
И песнь и вопль идут в гармонии святой.
Что смертный? - Прах, атом, а вечность - это бездна,
Куда парит один и падает другой.

И что Тебе, Творец, на вышине бесстрастной
Объемлющему твердь,
Наш стон, скорбь матери, отчаянье несчастной -
Ее дитяти смерть?

Я знаю: должен плод под ветром падать, птица -
Ронять свое перо, цветок - свой аромат,
И чтоб неслась вперед творенья колесница,
Быть должен кто-нибудь под колесом измят.

Пыль, волны, слезы - всё необходимо в свете.
Условье бытия,
Чтоб там - росла трава, там - умирали дети, -
Всё это знаю я.

Создатель! Может быть, во глубине от века
Непроницаемых и чуждых нам небес
Творишь Ты новый мир, где горесть человека
Идет в состав Твоих неведомых чудес.

Быть может, это - цель иного мирозданья,
Чтоб полный грозных сил
Событий вихрь с земли прекрасные созданья
Куда-то уносил.

Неумягчаемость божественных законов,
Быть может, держит всё, чем населен эфир,
И снисходительность к безумью наших стонов
Расстроила бы всё, разрушила б весь мир.

Ты видишь, Бог мой, здесь с ликущейся незвонко,
Но теплою мольбой,
С смиреньем женщины и простотой ребенка
Я весь перед Тобой!

Взвесь, горний Судия, всё, что я делал прежде,
Как мыслил, действовал, в борениях томим,
Трудился и страдал и жалкому невежде
Природу освещал сиянием Твоим, -

Как шел я, не боясь ни ссылки, ни изгнанья!
Суди меня, мой Бог!
Я мог ли ожидать такого воздаянья?
Суди! - Нет, я не мог -

Не мог я ожидать, склонен главой и бледен,
Что, тяжко надо мной десницу опуствя,
Возьмешь Ты у того, кто радостью так беден,
Её последний луч, возьмешь его дитя!

Прости, что на тебя роптал я в лютом горе,
Что на тебя хула,
Как из ребячьих рук тяжелый камень в море,
Мной кинута была!

Могли ль Твой видеть свет мои больные очи,
Когда спалила их нежданная гроза,
И траур лег на них чернее адской ночи,
И в нём до слепоты изъела их слеза?

И можно ль, Господи, чтоб человек в потере,
Где мысли луч исчез,
Всё помнил, что над ним всё те ж на вечной сфере
Созвездия небес?

Да, я был слаб, как мать. Пред высшим приговором
Теперь склоняюсь я, приемля свой удел.
Другим мной брошенным на всю природу взором
В широкой горести мой разум просветлел.

Творец! Я сознаю, что тяжкий грех - проклятья.
Выдерживая боль,
Не буду я роптать, не буду проклинать я,
Но плакать мне позволь!

Да, слезы пусть текут, как водный ток обильный!
Ты сам нам слезы дал, - пускай они текут!
Позволь мне иногда на камень пасть могильный
И дочери шепнуть: «Ты чувствуешь? Я тут».

Позволь мне иногда ей перекинуть слово
Под тихий вечерок,
Когда казалось бы, что этот ангел снова
Меня услышать мог!

Сквозь зависть в прошлое я взор вперяю жадный
И всё мне видится тот миг, тот страшный час,
Когда мой херувим, мой ангел ненаглядный
Вдруг крылья развернул и улетел от нас.

И будет мне весь век тянуться час тот лютый,
Когда, утратив дочь,
Вскричал я: «Здесь был день - тому одна минута,
И вот - теперь уж ночь!»

Прости мне, Господи, что дух мой так расстроен!
Не гневайся, что я горюю вновь и вновь!
Я умирён с судьбой, но я не успокоен, -
Из язвы роковой лилась так долго кровь!

Не гневайся, что так терпенье наше скудно!
Теряющим детей,
Ты знаешь, Господи, как душу вырвать трудно
У скорби из когтей.

Ты знаешь: ежели во мгле существованья
Вдруг озарила нас в один счастливый день
Улыбка нового нам милого созданья
И жизни сумрачной нам разогнала тень, -

Когда нас обновил веселый вид ребенка,
Чья прелесть так светла,
Что кажется, для нас невинная ручонка
Дверь неба отперла, -

Когда шестнадцать лет, шаг проследив за шагом
И дочь прекрасную всем сердцем возлюбя,
Ее признали мы своим верховным благом,
Лучом дневным в душе и в доме у себя, -

Когда решили мы: нам этого довольно!
Всё прочее есть бред, -
О Боже, посуди, как тяжело, как больно
Сказать: её уж нет!

Матери, лишившейся ребёнка-сына

Ты, верно, ангелу земному своему
Об ангелах небес наговорила слишком, -
Что в небе так светло, твердила ты ему,
Что там так хорошо, так весело мальчишкам;

Что небо - это храм, рассказывала ты,
На золотых столбах, что это - род беседки
В роскошнейшем саду, где звездочки - цветы,
А солнце - яблочко, сорвавшееся с ветки;

Что сколько там, в раю, нельзя и описать,
Игрушек, лакомства; хотим ли быть любимы?
Для этого есть Бог; хотим ли поиграть
И порезвиться мы? На это - херувимы;

Что сладко с Богом там сливаться всей душой
И что встречает там с земли переселенца
В домашней прелести близ Девы Пресвятой
С улыбкой ясный лик Предвечного Младенца.

А не внушила ты былинке нежной той -
Ребенку милому, что он, тобой любимый,
Тобой взлелеянный, весь неотъемно твой,
Что он в сей жизни - свет, тебе необходимый;

Что после, как к концу наклонится твой век,
Нуждаться будешь ты в сокровище едином,
Чтоб при тебе тогда был крепкий человек
И этот человек тебе был нежным сыном.

Не говорила ты, что Божья воля есть
На то, чтоб вдаль и вдаль идти земной дорогой,
Что женщина сперва должна мужчине весть,
А он потом ей был опорой и подмогой.

И что ж - однажды... Верх несчастья твоего!
В тот лучезарный храм, в ту горнюю беседку
Та птичка милая вспорхнула - оттого,
Что для нее сама ты отворила клетку.

1857

К дочери

Живи, как я, мой друг, в тиши, глуши - и только.
Блаженство на земле для нас не суждено.
Что нужно? Счастье? - Нет! - Что ж? Торжество? -
Нисколько!
Смирение одно.

Будь кроткой, доброй будь! Как сводит полдень ясный
В один небесный круг весь пыл своих лучей,
Своди всю благодать души твоей прекрасной
В лазурь твоих очей!

Нет торжествующих, счастливых нет на свете.
Для жизни дан нам час, и то неполный час -
Минута - миг один, и все мы точно дети:
Игрушка тешит нас.

Для счастья нашего недостает так много,
Недостает того и этого, всего, -
Нам нужно многое... А как рассмотришь строго -
Что нужно? - Ничего -

Иль малость сущая. Чего на сцене светской
Все ищут? - Это звук, звук имени, - наряд, -
Ряд блесков, галунов, - гремушка славы детской, -
Улыбка, слово, взгляд.

Любви недостает - и скучно под короной!
Воды недостает - и умирай в степи!
Повсюду человек - пустой сосуд бездонный.
Терпи, мой друг, терпи!

Взгляни на мудрецов, превознесенных нами!
Взгляни на воевод, летавших через Понт,
Которых яркими сияет именами
Наш бледный горизонт!

Они, подобные истаявшим светилам,
Рассыпав все лучи на жизненный свой путь,
Шагнули в сумрак, в тень, пошли к гробам, к могилам -
От блеска отдохнуть.

С зарею влажными от жалости глазами
Глядят на бедный мир святые небеса
И утро каждое кропят его слезами -
Мы говорим: роса!

Бог вразумляет нас на дольном нашем ходе,
И что такое - мы, и что такое - Он,
Начертан в нас самих и в видимой природе
Божественный закон.

Покорствуй, дочь моя: Его веленья святы
И должно каждому жить неизменно в Нём.
Дух ненависти - прочь! Иль всё любить должна ты,
Иль плакать обо всем.

Капля

Между скал струя бежала
И холодной слезой
Вся по капле ниспадала
В море, полное грозой.

«Это что? Мне сестры - бури,
Молний луч на мне горит,
Слито с небом я в лазури, -
Море гневно говорит. -

Крошка! Ты о чем хлопчешь?
Мне ль - гиганту ты помочь,
Мне ль воды прибавить хочешь?
Труд напрасный! Плакса, прочь!»

«Да, бассейн твой, море, полон, -
Струйка молвила, - но я
Влить хочу в него... он солон...
Каплю годного питья».

1858

По поводу стихов Горация (Отрывок)

Настанут времена: не будут птичку с ветки
Хватать и обучать в объеме узкой клетки,
И общество людей посмотрит не шутя
Как на святой залог на каждое дитя,
И будет так умно воспитывать ребенка,
Чтоб выйти мог орел из слабого орленка,
И дастся Божий свет там каждому на часть,
Где горечь знания преобразится в сладсть.
Всё, что оставили нам римляне и греки,
К наследникам пойдет без варварской опеки
И станет подвигов учебных пред концом
Ученья роскошью, оправою, венцом,
А не фундаментом. Не будет бедный школьник
К стихам Виргилия прикован, как невольник,
Иль маленький лошак, навьюченный сверх мер,
Под плетью черствого схоластика-педанта,
Который мальчику под ношей фолианта
Кричит: «Ну! Ну! Тащи! Ведь этот выюк - Гомер!»
В селенье каждое там свет проникнет быстро,
Где место тёмного в училище магистра
Займется мыслящим вожааем людей,
Врачом невежества, апостолом идей.
Не будут наконец и школьник и учитель
Тот - вечный мученик, а тот - всегда мучитель,
Легко освободясь от нашей дикой тьмы,

Там будут спрашивать с улыбкой наши внуки
О том, что делали и как учились мы,
Как филин воробья вгонял в гнездо науки,
Науки возблестят во всем величье там,
Как царственный чертог, как лучезарный храм;
Наставник явится на поприще высоком
Благовещателем, святителем, пророком,
Лиющим теплоту, и свет, и благодать
В полуотверстую ребяческую душу,
Из кубка вечности дающим ей вкушать
Того, Кто создал всё - и зыбь морей, и сушу;
И утвердится всё: законы, долг, права,
И станет всё ясней, и, более раскрыта,
Природа сложит там понятные слова
Из литер своего святого алфавита.

1858

Смерть

Над нивой жизненной я видел эту жницу.
Схватив блестящий серп в костлявую десницу,
Она, повсюду страх и ужас разнося,
Шагала, тем серпом махая и кося, -
И триумфаторы по мановенью жницы
Мгновенно падали с победной колесницы;
И рушился алтарь, и низвергался трон,
И обращались в прах и Тир, и Вавилон,
Младенец - в горсть земли, и в пыль - зачаток розы,
А слезы матери - в источник вечный - в слезы,
И скорбный женский стон мне слышался: «Отдай!
Затем ли, чтоб терять, мне сказано «рождай!»».
Я слышал общий вопль неисходимой муки.
Там из-под войлока высовывались руки
Окостенелые, и всё росло, росло
Людских могил, гробов и саванов число.
То было торжество печали, тьмы и хлада,
И в вечный мрак неслась, как трепетное стадо,
Под взмахом грозного, всежнущего серпа
Народов и племен смятенная толпа;
А сзади роковой и всеразящей жницы,
С челом, увенчанным сиянием зарницы,
Веселый ангел нес чрез мира глушь
Снопы им избранных на этой жатве душ.

1859

Завтра

Куреньем славы упоенный,
С младенцем сыном на руках,
Летал он¹ думой дерзновенной
В грядущих царственных веках
И мыслил: «Будущее - наше.
Да, вот - мой сын! Оно - моё».
- Нет, государь! Оно не ваше,
Ошиблись вы: оно - ничье.
Пусть наше темя - вам подножье,
Пусть целый мир от вас дрожит,
«Сегодня» - ваше, «завтра» - Божье;
Оно не вам принадлежит.
О, это «завтра» зыбко, шатко;
Оно - глубокий, страшный день,
Оно - огромный призрак, тень,
Оно - великая загадка,
Бездонной вечности ступень.
Того, что в этом «завтра» зреет,
Из нас никто не разъяснит.
«Сегодня» человек посеет,
А «завтра» Бог произрастит.
Сегодня вы на троне крепки,
Вы царь царей - Наполеон,
А завтра что? - Осколки, щепки,
Вязанка дров - ваш славный трон.
Сегодня Аустерлиц, огонь Ваграма, Иены,
А завтра - дымный столб пылающей Москвы;
А завтра - Ватерло, скала святой Елены;
А завтра?.. Завтра - в гробе вы.

Всевышний уступил на долю вам пространство, -
Берите! - Время Он оставил лишь Себе.
Будь вашему челу лавровый лес - убранство,
Земля вся ваша, вам нет равного в борьбе,
Европу, Африку вы мнете под собою,
Пускай и Азию отдаст вам Магомет!
Но завтрашнего дня вы не возьмете с бою -
Творец вам не уступит, - нет!

Бедные люди

Пустынный берег. Ночь. Шум бури. Темнота.
Убога и ветха, но крепко заперта
Рыбачья хижина. В дрожащем полусвете
Рисуются вдоль стен развешанные сети.
От углей, тлеющих в высоком камельке,
Мелькает алый круг на сером потолке,

¹ Наполеон 1-й

И отблеск кое-где играет красноватый
На бранных черепках посуды небогатой,
В березовом шкафу уставленной. За ним
Широкая кровать под пологом простым,
А дальше - на скамьях, покрытых тюфяками,
Спят дети малые. Их пятеро. Клубками
Свернулись, съежились. От бурных вьюг и стуж,
Казалось, скрыто тут гнездо бесперых душ.
Кто ж эта женщина? - Она в тени с тоскою,
Колени преклонив, поникла головою
На полускрытую завесами кровать
И тихо молится, - о, это, верно, мать!
Она одна, в слезах, в тревоге, в страхе, в горе,
А там - пред хижинкой - бушующее море.
Муж там, среди ярых волн. С младенчества моряк,
Он презирает всё - рев бури, ночи мрак.
Он должен и в грозу свои закинуть сети,
Он должен - потому что голодают дети;
Он должен с вечера, пока морской прилив
Благоприятствует, ладью свою спустив,
Четыре паруса как следует уставить,
А там - изволь один и действовать, и править!
Жена тогда чинит изорванную сеть,
Да между тем должна и за детьми смотреть,
И рыбный суп сварить, глотая дым и копоть,
И разное старье домашнее заштопать.

Плыви, рыбак! Трудись! Ищи среди валов
Местечка, где хорош бывает рыбный лов!
А место это как, вы б думали, пространно?
С большую комнату, притом - непостоянно:
Оно то там, то здесь, кругом же - океан!
Плыви! А тут и дождь, и холод, и туман, -
А волны вокруг ладьи и над ее краями,
Клубясь, вращаются зелеными змеями,
Он мыслит о жене, она его зовет
Среди своих молитв, - и, пущены вразлет,
Их мысли, как из гнезд поднявшиеся птицы,
Крест-накрест мечутся в пространстве без границы.

Вот жребий рыбака! А в этот самый час
Танцуют где-нибудь, - там бархат и атлас,
Цветы, гирлянды, блеск. А тут - во тьме беззвездной
Плавучая доска над разъяренной бездной
Да жалкий лоскуток дырявого холста,
На палку вздернутый: плыви! А тут - места,
Где смерть со всех сторон, и мели, и утесы!
А дома - хлеба нет, а дома - дети босы.
Там где-нибудь - пиры, там роскошь свыше мер,
Мечты и замыслы, и мало ли химер, -
А тут одна мечта - вразрез напорам водным,
Добравшись к берегу холодным и голодным,

Взглянуть у пристани дню светлому в лицо,
Причалить, вдеть канат в железное кольцо
И лишь до вечера вкусить покой желанный
В семействе, близ своей хозяйки доброй - Жанны!
О Жанна бедная! Твой муж теперь один
Под бурей на море, средь бешеных пучин!
Один - в глухую ночь! Хоть бы подмога в сыне!
Да дети малы все, - так думаешь ты ныне,
А там, как взрослые поедут с ним, - поверь,
Ты скажешь: «Лучше б им быть малыми теперь!»
Она берет фонарь: «Пойду взгляну! Ведь вскоре
Вернуться должен муж. Не тише ль стало море?
Пора бы утру быть!» Пошла и смотрит, - нет!
Всё бурно. Дождь идет. В слезах стоит рассвет,
Рождающийся день, как бы боясь явиться,
Расплакался о том, что надобно родиться.

Та в трепете идет. Хоть где-б-нибудь окно
Мелькнуло огоньком! Кругом всё сплошь черно.
Дороги не видать. Вот, покривясь, горюет
Лачуга темная, сквозь щели ветер дует,
Раскачивая дверь, а крыша... Боже мой!
В ней еле держится отвагой лишь одной
Злой бурей взрытая изгнившая солома.
Ужель живущие там говорят: «Мы - дома?»

«Постой-ка! Дай зайду! - подумала она,
Мимоидущая. - Ведь там живет одна
Несчастливая. О ней говаривал со мною
Мой муж. Намедни он нашел ее больною.
Она вдова. Узнать, что, как она теперь!»
И с этой мыслию стучится Жанна в дверь.
Ответа не дает пустынное жилище.
«Больна!.. А дети-то? Пожалуй, ведь без пищи!
Их двое. Без отца!» Она еще стучит:
«Эй, отоприте мне, соседка!» - Всё молчит.
«Впустите!» - Наконец неведомой судьбою
Дверь двинулась - и вход открылся сам собою.
И Жанна в дверь вошла, лучами фонаря
Жилище страждущей вдовицы озаря,
Где тот же крупный дождь, холодный, сверху на пол
Сквозь дырью потолка, как через сито, капал, -
И что же? В глубине, в углу - ужасный вид! -
Пав навзничь, женщина недвижимая лежит
В лохмотьях, обуви нет на ногах бедняги,
В глазах - безжизненность стоячей, мутной влаги.
Домохозяйка-мать! Ужели это ты?
Ведь это труп? - Да, труп почившей нищеты.
Вот всё, что на земле от матери осталось!
Как перед смертью страдальца металась,
Так и застыла тут. Рука, позеленев
И с войлока спустись, висит, окоченев, -

И пальцы скорчены, - и в немоте ужасной
Разомкнуты уста, отколь душа несчастной
Рванулась, испутив в предсмертный, страшный миг,
Последний, слышанный лишь вечностию крик,

Близ мертвой матери сном счастья упивались
Младенцы нежные и сладко улыбались -
Два - в общей люльке их. То были сын и дочь.
Мать, чувствуя уж смерть, старалась превозмочь
Еще сама себя: привстав, на них взглянула
И ножки им своей шубенкой обвернула,
А тельце - юбками, чтоб было им тепло,
Чтоб смертным холодом на них не понесло
От трупа матери, - её покров пусть греет
Малюток и тогда, как труп охолодеет!

И как покоен сон согревшихся детей!
Тиха их колыбель. Казалось, спящих в ней
И Страшного суда звук трубный не разбудит.
Пусть Судия придет! Ведь им суда не будет, -
Невинны! Незачем и пробуждаться им.

А дождь меж тем грозит потопом мировым.
Порою с потолка вдруг капля дождевая
Летит - и, на чело умершей упавая
И по щеке катясь, становится слезой.
А звонкая волна, под вихрем и грозой,
Бьет в берег и гудит, как колокол набатный.
Усопшая сквозь мрак и сон свой необъятный
Как будто слушает, что тени говорят,
Как будто хочется ей душу взять назад,
И, кажется, уста отверстые и очи
Недвижные - ведут беседу в бездне ночи:
Дыханье ваше где? - глаза устам твердят,
Уста ж в укор глазам: куда ваш делся взгляд?

Любите! Радуйтесь! Живите! Веселитесь!
Ликуйте на пирах! На бал в цветы рядитесь!
Как ни блестящ ручей - всё в темный океан
Ему назначен путь. Удел нам общий дан:
Забавам юности, всем песням, играм, шуткам,
Улыбке матери, любви ее к малюткам,
Лобзанью страстному двух пламенных особ -
Всеми один конец: холодный, мрачный гроб!

Что ж Жанна, хижину умершей оставляя,
Несет теперь с собой, близ сердца укрывая?
Какая ноша тут? Что так трепещет грудь
У Жанны? Что она свой ускоряет путь?
Что значит этот взгляд, исполненный тревоги?
Зачем у ней дрожат, подкашиваясь, ноги?

Украла ль что-нибудь у мертвой? Неужель?
Она пришла домой и на свою постель
Ту ношу бережно, при первом утра блеске,
Сложила - и спешит задернуть занавески.

И села, бледная, у той постели. Страх
И внутренний укор во всех ее чертах,
К подушкам голова склонилась; в членах трепет,
И на устах её дрожит несвязный лепет:

«А он-то? - Боже мой! - Еще забота! Вот!
И так в трудах всю ночь! Вон - море-то ревет!
А он еще всё там! - И что на ум мне вспало?
Своих ведь пятеро, - нет! Показалось - мало.
Что я наделала? Пусть он меня побьёт!
Ох, надо, надо бить - и больно. Чу!.. Идет?..
Нет! Нету никого. Тем лучше. Что ответить?
Ох, страшно, страшно так теперь его мне встретить
Входящего!.. Нет! нет! Пусть он нейдет теперь!
А вот... мне кажется... нет! Ветер стукнул в дверь».

И вот - она сидит, поникла, еле дышит
И словно ничего не видит и не слышит.

Вдруг распахнулась дверь - и с парой добрых слов
Перед своей женой явился рыболов.
Глядел он весело, а за его плечами
С увлажненных сетей вода лилась ручьями.

И, вспрянув, будто вдруг от сна пробуждена,
С огнем любовницы так и впилась жена
Устами в грудь его - и жар её привета
Прогрел ему сукно измокшего жилета:
«Моряк мой!» - «Твой моряк. Да вот - со мной беда!
Совсем ограблен я. Грабитель - ветер. Да.
А море - это лес. Все снасти поломались.
Рыбёнки не привез: вот - сети изорвались.
Верёвка лопнула, - и в лодку-то волна
Хватила было так... Да что ты так бледна?
Перепугалась? Вздор! О Господи Владыко!
Беда не велика. Поправимся! Скажи-ка:
Ну как ты без меня? Что делала?» - «Кто? Я?
Да так, как и всегда. Ведь мало ли шитья,
Вязанья? Между тем мне было страшно, - море
Шумело, выло так...» - «Ну что же? Эко горе!
Ведь нам не в первый раз». - «Да... кстати... я пошла
Проведать... Знаешь, что? Соседка умерла -
Та бедная вдова... Теперь осталось двое
Сироток... Мальчик-то... несчастье такое! -
Еще почти грудной, и девочка мала.
Бедняжки! Мать-то их ведь нищая была».

Задумался моряк и, скомкав словно тряпку,
Швырнул он под скамью свою морскую шапку,
Наморщась, почесал затылок и вздохнул.
«Эх, трудно, - говорит, - а то уж я смекнул,
Что сделать надобно. Да только... со своими
Едва справлялись мы. Тех пять, - а с семерыми
Как справиться? Легко ль вскормить да воспитать?
И так без ужина порой ложимся спать.
А впрочем... Божья власть! Его уж это дело!
У этой мелюзги, у мелочи незрелой,
Зачем он отнял мать? Ведь это - пыль да пух!
Тут думать нечего: возьмём и этих двух!
Ступай, жена, бери, покуда не проснулись!
При них ведь мертвая... Слышь: двери пошатнулись -
Покойница идет просить за них. Возьмём!
Пусть заодно растут все дети всемером!
Все, вместе с нашими, пусть будут сестры, братья!
Вкруг нас пусть ползают! Не сделаем изъятья!
Бог, верно, сжалится, даст больше рыбы нам,
Счастливей будет лов, вдвойне я буду сам
Трудиться... Что же ты так медлишь? Тратишь время?
Не сердись ли ты? Быть может, это бремя
Тебя пугает? А?»

А та ему: «Взгляни! -
Отдернув занавесь, сказала. - Вот они!»

1840-1850-е гг.